

М. Н. Катков

Пушкин

Русская эстетика и критика 40--50-х годов XIX века / Подгот. текста, сост., вступ. статья и примеч. В. К. Кантора и А. Л. Осповата. -- М.: Искусство, 1982.-- (История эстетики в памятниках и документах).

OCR Бычков М. Н.

Какова бы ни была сама по себе наша литература, скудна ли или богата, она, слава богу, перестала уже быть несущественным и бледным отражением чужеземных явлений, глухим отзвуком случайно долетавших голосов, отдаленным и нередко бессмысленным последствием неусвоенных начал; в ней чувствуется присутствие собственной жизни, чувствуется внутренняя связь в ее явлениях; возникают направления по закону этой внутренней связи; есть свои образцы, свои господствующие начала, обозначается своя система; словом, общественное сознание у нас -- ибо литература есть относительно общества то же самое, что сознание в отдельном человеке, -- представляет собою хотя еще весьма юное, может быть, еще весьма слабое, но уже живое развитие, уже сложившийся организм.

Начала, господствующие над развитием нашей литературы, справедливо обозначаются именами тех из ее деятелей, которые вносили в нее новые направления, сообщали ей новое движение и потому имели особенное влияние на умы, на сознание и, следовательно, на жизнь, потому что человеческая жизнь нераздельна с сознанием. К этим многозначительным именам в нашей литературе принадлежат имена Пушкина и Гоголя.

Новые издания их сочинений¹ оживили воспоминание об них, и из прошедшего, хотя и очень близкого, но все же прошедшего, ввели их снова в среду настоящего; снова раздалось их знакомое слово, снова испытываем мы их действие и оцениваем их значение.

О Пушкине много суждений было высказано прежде, много говорено и теперь по поводу издания его сочинений². Ему посчастливилось еще и в том отношении, что он нашел для своих сочинений столько же добросовестного и тщательного, сколько и даровитого издателя, который положил на свой труд много сил, внес в него много ума, проницательности и вкуса. Биографические материалы, собранные г. Анненковым, и примечания его к сочинениям Пушкина много способствуют к уяснению его деятельности и значения.

При оценке Пушкина всегда возникали в нашей литературе эстетические толки. Многое этими толками было уяснено, многое также было запутано; а потому мы считаем себя некоторым образом вправе коснуться вопросов эстетики и высказать несколько общих мыслей, прежде чем приступим к ближайшей характеристике нашего поэта. По нашему мнению, понятия об искусстве требуют у нас некоторого пересмотра, и мы попытаемся в кратком очерке коснуться главных пунктов.

1

Стремление к самостоятельности, замечаемое в нашей литературе, равно как и в нашем обществе, есть явление бесспорно очень утешительное. Мы начинаем мыслить, не озираясь робко по сторонам, не перебирая бережно и бессмысленно последствий чужой мысли, не повторяя с подобострастием фраз и слов без ясного сознания того, что ими выражается. Действительно, пора уже нам говорить и действовать на свой собственный счет, из собственного капитала.

Итак, мы радуемся этой потребности доходить до всего своим умом. Без этого условия ничто не может пойти нам впрок, но все же это только отрицательное условие. Наш приятель, судья Тяпкин-Ляпкин, также доходил собственным умом до своих глубокомысленных теорий о происхождении вещей. Однако никому из нас не было бы лестно сопутствовать этому мыслителю, и да будет почтенный образ его полезным предостережением для многих.

Нередко случается нам слышать и читать решительные приговоры о целых системах человеческого разума, над которыми работали великие умы в течение веков и которые самыми погрешностями своими были плодотворны. Можно не знать их и идти своею тропинкой, добывая понемногу собственным трудом хотя бы даже то, что уже давным-давно добыто: самостоятельность труда сообщит и малому, неважному, давно известному результату новую свежесть и даже важность. Понятие,